

ПИСЬМА И ДНЕВНИКИ

*письма
о любви*

Автор-составитель
С.Ю. Нечаев

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
П 35

Дизайн серии *Ивана Ковригина*
Дизайн обложки *Дмитрия Агапонова*

В оформлении переплета использованы репродукции картин Яна Вермеера: первая сторона – «Девушка, читающая письмо у открытого окна» (1657; Галерея старых мастеров, Дрезден), четвертая сторона – «Любовное письмо» (1667–1668; Рейксмузеум, Амстердам)

Автор-составитель *Сергей Нечаев*

П 35 **Письма о любви** : сборник / автор-составитель С.Ю. Нечаев. – Москва : Издательство АСТ, 2018. – 352 с.; ил. – (Письма и дневники)

ISBN 978-5-17-106636-9

В этой книге собраны письма русских писателей XIX и XX вв. – А. Пушкина, Ф. Тютчева, А. Фета, И. Гончарова, А. Герцена, В. Брюсова, А. Блока, В. Маяковского, С. Есенина и других. Любовь, как драгоценный камень, переливается в их строках всеми цветами радуги, обнажая тонкие струны души. Читатель проникает в чужую тайну и открывает для себя много неожиданного в биографиях известных писателей, в сюжетах созданных ими художественных произведений. Он становится свидетелем большого счастья, мучительных страданий, головокружительных признаний и вспоминает свою собственную историю любви.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-106636-9

© А.Ахматова, наследники, 2018
© С.Нечаев, автор-составитель, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Когда недавней старины
Мы переписку разбираем,
И удивления полны –
Так много страсти в ней читаем,
Так много чувства и тоски
В разлуке, столько слез страданья,
Молить и просьб о дне свиданья, –
Мы в изумленьи: далеки
Те дни, те чувства!.. Холод света
Отравую дохнул на них!..
Его насмешек и навета,
Речей завистливых и злых
Рассудок подкрепил влиянье;
Разочаровано одно
Из двух сердец... Ему смешно
Любви недавней излиянье!..

Евдокия Ростопчина

Василий Жуковский

Летом 1805 года Василий Андреевич Жуковский, будущий известный поэт, работавший пока бухгалтером в Главной соляной конторе, но уже имевший за плечами несколько собственных произведений и переводов Коцебу и Сервантеса, стал наставником своих племянниц – дочерей тульского губернского предводителя дворянства Андрея Ивановича Протасова и его супруги Екатерины Афанасьевны (урожденной Буниной).

Андрей Иванович умер незадолго до этого, оставив после себя большие карточные долги. Екатерина Афанасьевна, будучи стесненной в средствах, не могла нанять учителей и попросила об услуге Жуковского, только что окончившего Московский университетский пансион.

В те времена образованием девочек занимались весьма поверхностно, однако Жуковский очень серьезно подходил к роли учителя. По утрам они занимались историей, читали Геродота и Тацита, вечером были философия, литература и эстетика. И очень скоро Василий Андреевич стал задаваться вопросом: а можно ли быть влюбленным в ребенка? Речь шла о романтическом влечении к старшей из девочек – 12-летней Марии.

Мария, в отличие от своей сестры, считалась некрасивой. По характеру она была замкнутой, тогда как Александра была девочкой живой и веселой. Мать с Машей была излишне строга, и та чувствовала себя одинокой.

Любовь Жуковского нашла понимание в окружавшем поэта родственно-дружеском кружке, исключая только саму Екатерину Афанасьевну, женщину твердую и решительную. Когда летом 1807 года 24-летний Жуковский попытался открыто заговорить с ней о чувствах к Марии, Екатерина Афанасьевна ответила ему резким отказом, так как считала дочь племянницей Василия Андреевича, а следовательно, брак между ними – противным церковному закону. Кроме того, по мнению матери, дочь ее была еще слишком молода. И для Жуковского начались долгие годы борьбы за свое счастье.

От отца, Афанасия Ивановича Бунина, Екатерине Афанасьевне остались два села в Орловской губернии – фамильное Бунино и Муратово, куда летом 1810 года Протасова решила переехать.

Жуковский отправился вместе с Протасовыми. Он даже принял участие в строительстве усадебного дома: провел съемку местности, составил и рассчитал планы строительства.

В мае 1811 года ушла из жизни приемная мать Жуковского – Мария Григорьевна Бунина. Похоронив ее, Василий Андреевич, чтобы быть ближе к Марии Протасовой, купил дом в деревне Холх, в полуверсте от усадьбы Екатерины Афанасьевны. Теперь он мог каждодневно видеться с 18-летней Марией. Василий Андреевич решил на еще одно объяснение с Е.А. Протасовой, но та вновь заявила, что «по родству эта женитьба невозможна». Удивительно то, что Екатерина Афанасьевна не считала Жуковского (приемного сына родителей) братом, но при этом была твердо уверена: Маша – его племянница.

Сложившуюся ситуацию Жуковский переживал очень тяжело, и это стало причиной его печального настроения, сетований на судьбу, одиночество, послужило темой для целого ряда грустных романсов и элегий, в которых горькая доля поэта занимала главное место. Но нападение на Россию Наполеона и Отечественная война 1812 года заставили Жуковского на время забыть о личном несчастье. Он записался в Московское ополчение поручиком, а с войны вернулся штабс-капитаном и кавалером ордена Святой Анны 2-й степени. После возвращения в Муратово Василий Андреевич снова посватался к Марии, тогда уже и она изъявила согласие выйти за него замуж, и... снова получил отказ: Екатерина Афанасьевна упрямо настаивала – браки между близкими родственниками недопустимы.

Жуковский же был уверен, что жизнь дана человеку для счастья, и он старался убедить в этом и свою любимую.

25–26 февраля 1813 г. Муратово

Василий Жуковский. Из «Дневника»

Сам бросить своего счастья не могу: пускай его у меня вырвут, пускай его мне запретят; тогда по крайней мере не я буду причиной своей утраты. Жертвовать собой не значит еще соглашаться, что жертва необходима и угодна Богу, которому ее насильно приносят. Он дал мне

совесть. Отчего же эта совесть спокойна, когда я рассматриваю желания своего сердца, и рассматриваю их в уверенности, что у меня есть строгий свидетель; отчего, представляя исполненными свои намерения, чувствую в себе самую чистую радость, вижу себя лучшим? Неужели это доказательство, что мои намерения дурные? А какое другое правило вернее в суждении о самом себе. Я же не один: прекрасные люди, истинные христиане, одобряют меня; а мнение, противящееся мне, само по себе сомнительно, и для тех, которые его имеют. Если бы человеку, совершенно равнодушному, надлежало произнести приговор, что бы он сказал? Одно мнение поддерживает истинный христианин, но оно разрушает счастье; другое, ему противное мнение, также истинный христианин защищает, и оно дает счастье – которое справедливо?.. Без сомнения то, на которой стороне счастье, ибо оно оправдывается. Так бы должен был решить беспристрастный, но наш судья – мать. Мои намерения достойны моего Творца, и моя молитва к нему: чтобы он исполнением их дал мне единственный способ его удостоиться в жизни или чтобы скорее взял от меня обратно жизнь, совершенно бесплодную. Вот вся моя исповедь.

Очередной решительный отказ матери привел к ухудшению здоровья юной Марии Протасовой. А в ноябре 1813 года в деревню Холх, по приглашению Жуковского, приехал его друг Александр Федорович Воейков. Несмотря на внешнюю непривлекательность, Воейков произвел впечатление на Екатерину Афанасьевну, но особенно – на Александру. Короче говоря, он очень понравился Протасовым, и Жуковский решил, что Воейков поможет ему сломить сопротивление Екатерины Афанасьевны.

23 марта 1814 года было объявлено о браке Александра Федоровича с младшей из сестер Протасовых – Александрой. Но, несмотря на обещание, Воейков ничего не сделал для решения «ситуации с Марией».

Однако Жуковский принял живейшее участие в судьбе Воейкова и устроил его профессором в Дерптский университет,

и все семейство Протасовых решило перебраться в Дерпт – нынешний город Тарту. Жуковский добился разрешения ехать вместе с ними – на положении «брата».

Протасовы с Воейковым прибыли в Дерпт 15 февраля 1815 года, а Жуковский – 16 марта.

Живя в Дерпте, среди «немцев», вращаясь в кругу профессоров, углубляясь исключительно в немецкую поэзию, Жуковский даже стал находить какую-то особую прелесть в замкнутой жизни маленького университетского городка. Он был горячо привязан к семейству своей сестры, и многочисленные попытки друзей переманить его из Дерпта в Санкт-Петербург, чтобы подумать о будущем и о карьере, были напрасны.

Конечно, вероломство Воейкова стало ударом для Жуковского. Перед свадьбой Александры поэт продал Холх и передал ей в подарок 11 000 рублей. Так как жить ему теперь было негде, Екатерина Афанасьевна пригласила его в Муратово.

В очередной раз поэт сватался в апреле 1814 года, и снова Протасова-старшая отказала ему. По этому поводу Жуковский жаловался своей племяннице А.П. Елагиной (урожденной Юшковой, по первому браку Киреевской). Авдотья Петровна знала о привязанности Жуковского к Маше и была его союзницей в хлопотах о получении согласия на брак от Екатерины Афанасьевны.

16 апреля 1814 г. Муратово

Василий Жуковский – Авдотье Елагиной

Здравствуйте, милая моя сестра, новая знакомка и старый друг! Вы мне дали на дорогу добрый запас размышлений и чувств. Месяца за два я бы не вообразил, что мне будет можно поехать с *грустью* из Долбина в Муратово, – бедные мы люди! Думаем о бессмертии, о *горнем* <...> отдаленном счастье, а под носом не видим того, что может нас утешать и делать довольнее. Наше путешествие сделало и моему сердцу большое добро; оно помогло ему найти находку – *доверенность*

к дружбе, прежде смешанную с сомнением, потом почти совсем разрушенную, — обратить в веру, не есть ли это находка? И не везде ли видно доброе Провидение? Отымая с одной стороны, оно всегда заменяет с другой. С полную доверенностию я сунулся было просить дружбы там, где было одно притворство, и меня встретило предательство со всем своим отвратительным безобразием — от вас не думал ничего требовать, и все само сделалось. Эта мена ничуть не убыточная; а вместе с нею и добрый урок.

Вот вам моя реляция. Поехав от вас, я думал ночевать в Черни¹. Но в Болхове узнал, что Плещеев, мой добрый негр, который белых книг не страшится, приехал один из Ельца. Я скорее в Чернь; но его не застал — он уехал в Муратово. Переменив лошадей, скачу за ним. Ночь и страшная грязь не выпустили меня из Козловки, и я ночевал у Марии Николаевны. Она сказала мне официальную новость: *свадьба назначена 2 июля, а после свадьбы едут в Дерпт*². Я поглядел на своего спутника — вы его знаете. Большая, одержимая подагрою надежда, которая скрепя сердце тащится за мною на костылях и часто отстает. — Что скажешь, товарищ! — Что сказать? Нам недолго таскаться вместе по белу свету. После второго июля — что бы ни было — мы расстанемся! Или покину тебя одного и бреди как хочешь! Или оставлю тебе свою сестрицу, которая лучше меня и гораздо лучшее (но только для добрых) *исполнение*. С нею дурной человек становится хуже, а добрый гораздо добрее. Она приготовит тебя к тому обетованному краю,

Где вера не нужна, где места нет надежде,
Где царство вечное одной любви святой!

— А если останусь один! — Тогда! Готовься, как умеешь сам, к переселению в этот край! Но едва ли удастся получить пропускной билет!

¹ Имение Чернь принадлежало Александру Андреевичу Плещееву, двоюродному брату Маши и Саши Протасовых, с которым познакомился и подружился Жуковский. — *Здесь и далее примечания автора-составителя.*

² Речь идет о свадьбе А.А. Протасовой и А.Ф. Воейкова.

Разве чудо путь укажет
В сей прелестный край чудес!

– Но ждать чуда? Кто его дождется! – И я тоже думаю! – Что же делать! – Не знаю! А для меня верно только то, что мы расстанемся! – вот вам слово в слово весь наш разговор.

Поутру рано приезжаю. Плещеев здесь по делам <...>

А мой подагрик¹ шепнул мне на ухо: терпи! Тебя будут *любить*, когда получишь свободу быть тем, каким быть хочешь и можешь. И сердце скрепилось. Но было ли оно довольно так, как бывает довольным у человека, возвратившегося в тот круг, где его счастье, где его настоящая жизнь?.. Нет! Нет! Сиротство и одиночество ужасно ввиду счастья и счастливых! Гораздо легче быть одиноким в лесу со зверями, в тюрьме с цепями, нежели подле той милой семьи, в которую хотел бы броситься, из которой тебя выбрасывают. Благодаря моему подагрику это все для меня пока сносно. Но когда он от меня отковыляет в дальнюю, неизвестную сторону – тогда быть совсем выброшенным будет даже утешительно – можно разбиться вдребезги. Плещеев уехал во втором часу. У Воейкова заболела голова – его положили в кабинете; сами подкладывали ему под ноги, под голову подушки; я сидел спичкою, и на меня поглядывали с торжествующим, радостным видом – в самом деле торжество и радость. Я посматривал исподлобья, не найду ли где в углу христианской *любви*, внушающей сожаление, пощаду, кротость. Нет! Одно холодное *жестокосердие* в монашеской рясе с кровавою надписью на лбу *должность* (выправленную весьма неискусно из слова *суеверие*) сидело против меня и страшно сверкало на меня глазами. И мне стало страшно, и я ушел к себе отведать ничтожества, то есть как-нибудь заснуть...

Но Протасова-старшая никого не хотела слушать и запретила Жуковскому появляться в Муратове. Со своей Машей он вынужден был только переписываться.

¹ Так поэт грустно-шутливо говорил о втором своем «я».

Василий Жуковский – Марии Протасовой

Милая Маша, нам надобно объясниться. Как прежде от тебя одной я требовал и утешения, и твердости, так и теперь требую твердости в добре. Нам надобно знать и исполнить то, на что мы решились, дело идет не о том только, чтобы быть вместе, но и о том, чтобы этого стоить. Следовательно, не по одной наружности исполнять данное слово, а в сердце быть ему верными. Иначе не будет покоя, иначе никакого согласия в чувствах между мною и маменькой быть не может. Сказав ей решительно, что я ей брат, мне должно быть им не на одних словах, не для того единственно, чтобы получить этим именем право быть вместе. Если я ей говорил искренно о моей к тебе привязанности, если об этом и писал, то для того, чтобы не носить маски, – я хотел только свободы и доверенности. Это нас рознило с нею. Теперь, когда все, и самое чувство, пожертвовано, когда оно переменялось в другое, лучшее и нежнейшее, нас с нею ничто не будет рознить. Но, милой друг, я хочу, чтобы и ты была совершенно со мною согласна, чтобы была в этом мне и примером и подпорою, хочу знать и слышать твои мысли. Как прежде ты давала мне одним словом и бодрость, и подпору, так и теперь ты же мне дашь и всю нужную мне добродетель. Чего я желал? Быть счастливым *с тобою!* Из этого теперь должен выбросить только одно слово, чтобы все заменить. Пусть буду счастлив *тобою!* Право, для меня все равно, *твое счастье* или *наше счастье*. Поставь себе за правило все ограничить одной собою, поверь, что будешь тогда все делать и для меня. Моя привязанность к тебе теперь точно без примеси собственного и от этого она живее и лучше. Уж я это испытал на деле – смотря на тебя, я уже не то думаю, что прежде, если же на минуту и завернется старая мысль, то всегда с своим дурным старым товарищем, грустью, стоит уйти к себе, чтобы опять себя отыскать таким, каким надобно, а это еще теперь, когда я от маменьки ничего не имею, когда я еще ей не брат, – что ж тогда, когда и она со своей стороны все для меня сделает. Я уверен, что грустные минуты пропадут и место их заступят ясные, тихие, полные чистою к тебе привязанностью.

Вчера за ужином прежнее немножко что-то зацепило меня за сердце – но воротясь к себе, я начал думать о твоём счастье, как о моей

теперешней заботе. Боже мой, как это меня утешило! Как еще много мне осталось! Не лиши же меня этого счастья! Переделай себя совершенно и будь этим мне обязана! Думай беззаботно о себе, все делай для себя – чего для меня боле? Я буду знать, что я участник в этом милом счастье! Как жизнь будет для меня дорога! Между тем я имею собственную цель – работа для пользы и славы! Не легко ли будет работать? Все пойдет из сердца, и все будет понятно для добрых! Напиши об этом твои мысли – я уверен, что они и возвысят, и утвердят все мои чувства и намерения.

Я сейчас отдал письмо маменьке. Не знаю, что будет. В обоих случаях, perseverance¹! Меня зовут! чудо – сердце не очень бьется. Это значит, что я решился твердо»...

Март 1815 года (Муратово)

Василий Жуковский – Марии Протасовой

...Мы говорили – этот разговор можно назвать холодным толкованием в прозе того, что написано с жаром в стихах. Смысл тот же, да чувства нет. Она мне сказала, чтоб я до июля остался в Петербурге, – потом увидит. Одним словом, той сестры нет для меня, которой я желаю и которая бы сделала мое счастье. Еще она сказала: дай время мне опять сблизиться с Машею, ты нас совсем разлучил. Признаюсь, против этого нет возражения, и если это так, то мне нет оправдания; и я поступаю, как эгоист, желая с вами остаться!

В самом деле! Чего я хочу? Опять только своего счастья? Надобно совсем забыть о нем! Словами и объяснениями его не сделаешь! Маша, чтобы иметь полное спокойствие, не должно ли тебе возратить мне всех писем моих? Ты знаешь теперь нашу общую цель. Твое счастье! Быть довольным собою! У тебя есть Фенелон² и твое сердце.

Довольно! Твердость и спокойствие, а все прочее Промыслу.

¹ Упорство (*фр.*).

² Франсуа Фенелон, маркиз де Ла Мот-Фенелон – французский священнослужитель, писатель, педагог, богослов, автор знаменитого романа «Приключения Телемака» – литературного бестселлера XVIII–XIX веков.

Василий Жуковский
Март 1815 г. Дерпт

Василий Жуковский – Марии Протасовой

Расположение, в каком к тебе пишу, уверяет меня, что я не нарушаю своего слова тем, что к тебе пишу. Надобно сказать все своему другу. Я должен непременно тебе открыть настоящий образ своих мыслей. Маша *моя* (теперь *моя* более, нежели когда-нибудь), поняла ли ты то, что заставило меня *решительно* от тебя отказаться? Ангел мой, совсем не мысль, что я желаю незаконного, – нет! Я никогда не перемену на этот счет своего мнения и верю, что я был бы счастлив и что Бог благословил бы нашу жизнь! Совсем другое и гораздо лучшее побуждение произвело во мне эту перемену! Твое собственное счастье и спокойствие! Решившись на эту жертву, я входил во все права твоего отца. Другая, нежнейшая связь! Право, эта минута была для меня божественная; если можно слышать на земле голос Божий, то конечно, в эту минуту он мне послышался! С этим чувством все для меня переменялось, все отношения к тебе сделались другие, я почувствовал в душе необыкновенную ясность; то, чего я никогда не имел в жизни, вдруг сделалось моим; я увидел подле себя сестру и сделался другом, покровителем, товарищем ее детей; я готов был глядеть на маменьку другими глазами и, право, восхищался тем чувством, с каким бы называл ее сестрою, – ничего еще подобного не бывало у меня в жизни! Имя сестры в первый раз в жизни меня тронуло до глубины сердца! Я готов был ее обожать; ни в ком, ни в ком (даже и в вас) не имела бы она такого неизменного друга, как во мне; до сих пор имя сестры меня только пугало, оно казалось мне разрушителем моего счастья; после совершенного пожертвования собою оно показалось мне самым лучшим утешением, совершенною всего заменою; боже мой, какая прекрасная жизнь мне представилась! Самое деятельное, самое ясное усовершенствование себя во всем добром! Можно ли, милый друг, изменить великому чувству, которое нас вознесло выше самих себя! Жизнь, освященная этим великим чувством, казалась мне прелестною! Если прежде, когда моя привязанность к тебе была непозволительною, я имел в иные минуты счастье; что же теперь, когда душа от всякого бремени облегчилась и когда я имею право быть довольным собою! Раз испытал